

идей естественного права и общественного договора, сатирической новиковской периодики и дерзновенного радищевского «Путешествия...» Идейные «вехи» сменялись буквально на глазах. Так, произошел переход Екатерины от заигрывания с энциклопедистами и восхищения «Марсельезой» (которую она велела сыграть полковому оркестру в Эрмитажном театре) к решительному противостоянию всем прогрессистским новациям, к ссылке Радищева и другим репрессиям. Иллюзии и надежды сменялись разочарованием. На взлете своих исканий Михаил Сушкин пережил все эти метаморфозы, по-своему выстрадал духовную драму Европы. Он пишет, что бродил в «свете», как в лесу. Едва пробудившись, творчески воспрянув, он надорвался, перегорел.

Характеризуя его редкостно раннее духовное созревание, брат Николай пишет в своих неопубликованных мемуарах «Отрывки из записок»: «Семи лет он уже читал книги и, к несчастью, не детские. Его ум разился в ту пору младенчества, когда еще едва начинают дети учиться грамоте. Десяти лет он стал писать стихи. С колыбели сержант гвардейского Преображенского полка, 17-ти лет он должен был явиться в столицу на службу. 17-го июля, за несколько дней до своего рождения (9 августа) он добровольно простился с жизнью. Причина столь раннего разочарования — гибельное учение Гельвециев, Вольтеров, Дiderотов, Даламберов и прочих того времени лжемудрецов. Они убили в его пламенной душе христианскую веру, погрузили его неопытное сердце в материализм, ужаснули его пытливый ум фатализмом и бросили ему, картезианцу, обуревшему вихрем гаданий и утопающему в пучине сомнений, веревку Спинозы — пантеизм, ныне до последней степени безумия развитый мечтателями. Несчастный читал и перечитывал ядовитые толки книжников и саддукеев 18 века, сверял и сравнивал их мысли и заключения; подстерегал все так называемые несообразности в природе, несправедливости судьбы, подмечал основные законы естества — и остался действом. Признавая во Вселенной некое Высшее, вечное, зиждущее начало миров и жизни, он не видел цели на Земле, все относил к законам необходимости (*necessité absolue* — учение Спинозы), последовательности и — так выражусь — жизненного целого (Вселенной с ее множеством планет и миров), а созданный по образу Божию человек и сын единой персти — червяк, былинка и все твари (в его понятии) — круговорщающиеся частицы целого, пылинка, капля, атомы, монады, ничтожество» [10].

В предсмертном письме Александру Храповицкому М. Сушкин указывает на серьезность мотивов, приведших его к самоубийству: «Когда Вы будете читать это письмо, Вашего племянника уже не будет в живых, и радости и горести этого мира не будут больше иметь никакой власти над ним. Короче говоря, мое решение принято: я хочу умереть. „У него сплин, страхи“, — скажете Вы. „Им овладел дьявол“, — скажут некоторые фанатики. Ничего подобного: дело ни в том, ни в другом» [11]. Более подробно и доверительно позиция М. Сушкина излагается в его письме к Михаилу Храповицкому, имевшему в семье репутацию философа-эмансипатора. Здесь речь идет о глубоком разочаровании и неприятии царящей вокруг несправедливости, протесте против торжествующего зла. «Состояние мое давно меня тяготило, но тяготило так, как философа: я видел мои недостатки и невозможность батюшку мне помочь. Словом сказать, я видел, что не могу жить в свете, где предрассудки велели бы меня презирать и где бедность весится наряду с злодейством. Конечно, надлежало бы мне презреть мысли таких людей, но простите пылкости моих лет... Долго я строил замки на воздухе... Я не был создан, чтобы пресмыкаться или, как говорят по-французски *croupir dans le néant* (пребывать в небытии)... Может быть, и Вертер помог мне отчасти... Не почитайте меня обезьяною Вертера, а еще менее безумцем. Право, во мне нет ни безумия, ни меланхолии... Никогда и никто не был столько уверен в небытии души, как я, прочтя то место, где Вольтер хотел доказать, что она существует. Когда сам Вольтер не мог меня убедить, то какие же богословы то бы сделали?... Мне хотелось объявить Вам подробно свой символ

